

«ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН»

Восток — дело тонкое, тем более Дальний. А как известно, где тонко, там и рвется. Однако вопреки устоявшемуся представлению, у Ларисы Алексеевны РУБАЛЬСКОЙ вот уже более 20 лет не «рвется» связь со Страной восходящего солнца. Столько времени она работает референтом в московском корпункте популярной японской газеты «Асахи». Наш корреспондент встретился с известным поэтом-песенником в тот момент, когда, похоже, ей было не до песен:

Москвичка. — 1995. — апр. (и 15). — С. 11

пыта японского возрождения и процветания?

— Мне кажется, все, что можно перенять, уже переняли. Я часто сталкиваюсь с молодыми людьми, занятыми в бизнесе, сфере обслуживания. Они работают ничуть не хуже японцев (я говорю о честном труде). Раньше вызовешь слесаря — придет пьяным да еще бутылку потребует. Сегодня имеешь дело с вежливыми, аккуратными ребятами, с которыми приятно даже пообщаться.

— Это то, что касается отношения к труду. Насколько может быть нам полезен опыт в сфере культурной, духовной?

— Здесь россиянам не надо ориентироваться на японцев. Эмоционально, интеллектуально мы устроены по-другому, гораздо ярче, совершеннее. Взять хотя бы общую развитость. Наши представления о мировой культуре богаче, глубже, чем у японцев. Их кругозор заметен уже, они зашорены, сосредоточены целиком на профессиональных знаниях.

— Как писал Козьма Прутков, специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя...

— Да-да. Конечно, я не имею в виду своих коллег — корреспондентов ведущей японской газеты, обладающих высочайшим интеллектом. Но я знаю очень много других японцев, интеллектуальный уровень которых не идет ни в какое сравнение с нашим. Хотя я их очень люблю, уважаю, ведь это часть моей жизни. Но отдыхать душой предпочитаю все-таки не с ними.

— Каков круг ваших знакомых? Связан он с эстрадой тусовкой?

— С тусовкой — нет, с эстрадой — безусловно. У меня сложились дружеские отношения со многими композиторами, с которыми сотрудничаю: Марком Минковым, Виктором Чайкой, Аркадием Укупником. Мой старый большой друг — Сергей Березин. Дружу с Лионом Измайловым, с которым познакомилась еще до того момента, как я стала поэтом, а он — писателем. Я уже шушу: «Мы с тобой, Лион, наверное, мафия: где ты, там и я, где я, там и ты». Настоящие друзья у нас с мужем остались также со школьных, студенческих времен, с той поры, когда я работала машинисткой в библиотеке.

— Поэзия — ваше хобби?

— Нет, поэзия и работа в редакции — равноправные части моей жизни.

— Сегодня многие литераторы сетуют на неовостребованность своего творчества: издатели не печатают, читатели не читают. А у вас в 1993 году вышел сборник стихов, быстро разобранный с книжных прилавков. В чем секрет вашего поэтического благополучия?

— Трудно объяснить. Я заметила, что из трудных жизненных ситуаций часто выхожу без усилий, будто по мановению волшебной палочки. Передо мной открываются двери, которые не должны были открываться. Вот и книжка стихов появилась благодаря добрым людям из издательства общества «Знание», которые сами предложили мне свою помощь.

— Недавно в одной из своих журнальных статей Римма Казакова высказалась в том духе, что поэт в современной России не нужен. Вы согласились бы с таким утверждением?

— Ценю. Римму Казакову как истинного поэта. Я же себя отношу не к поэтам, а к поэтам-песенникам, которые и сегодня, и завтра будут нужны. Без ложной скромности скажу, что ко мне обращаются гораздо чаще, чем я способна творчески ответить, — мне трудно писать на заказ. Иногда пишу, как Бог даст, не ориентируясь на каких-то конкретных композиторов, исполнителей. И это, как правило, самые лучшие мои стихи. Но обычно сочиняю в соответствии со вкусами, имиджем тех, кому собираюсь показать стихи. При этом стараюсь не ошибиться в словесных характеристиках, потому

что песня для Леонтьева требует одних слов. Для Буйнова — других, для Малинина — третьих.

— Здесь есть какие-то принципиальные различия?

— Малинин, например, отвергнет песню со словами: «Ты — крутая, ты мне предложила миллион разменять по рублю». Может быть, ему и хотелось бы слезть ее, открыв таким образом новую страничку в творческой биографии. Но сделать это не позволяет имидж. Поэтом такие стихи я обязательно покажу Буйнову. Но это то, что касается острохарактерных песен. А есть стихи, которые подойдут любому из названных певцов.

— Трудно писать стихи от мужского лица?

— Мне почему-то совсем нетрудно. Хотя все просят писать так называемый «унисекс», т. е. песни, которые могут исполняться и мужчиной, и женщиной.

— В вашем творчестве гражданская и любовная лирика сочетается со стилизацией частушек. Что вам самой ближе? И что ценится дороже с точки зрения коммерческой?

— Цена всему одинаковая. Говорят, что я не алчная. Это действительно так. Другьям и детям пишу бесплатно, а с артистов, которые хорошо зарабатывают, беру какие-то деньги. Что касается первого вопроса, то лучше всего мне удаются именно частушечные, «стёбковые» песни, которых достаточно в репертуаре Буйнова, «На-На». Такие стихи сегодня мало кто пишет, поэтому их пристроить легче. Лирические любовные песни не смастерить, подобно смешным, они должны быть как выдох, оттого и рождаются реже. Стихов в жанре гражданской лирики у меня очень мало. Как-то не получается искренне выразить свои чувства гражданина в рифму. Правда, недавно ко мне обратились авторы телепередачи «Трамвай желаний».

Один из ее героев, генерал Попков, прошел всю войну. В его отряде был аккордеонист, написавший «Марш о летчиках» и мечтавший о словах к нему. Режиссер передачи попросил меня написать стихи, что я и сделала с большой охотой. Когда хор МВД на Красной площади исполнял песню «Ребята нашего полка», у меня сжалось сердце — сильнее, чем в тот момент, когда «звезда» поет песню, которая станет шлягером.

— Сборник ваших стихов (и один из шлягеров в исполнении М. Муромова) называется «Странная женщина». Вы себя считаете такой?

— Нет. Хотя на концертах замечаю, что зрители хотели бы видеть меня странной, неземной. Наверное, я их разочаровываю своей похожестью на всех, тем, что не витаю в облаках, а живу на земле.

— В сборнике опубликовано стихотворение «Дым отечества», в котором есть такие строки:

*И вот недавно я узнал совсем случайно,
Что друг давно к другому берегу отчалил,
Открыл свой бизнес там, и дело процветает.
Но все равно ему чего-то не хватает.
Лариса Алексеевна, вас не тянет к «другому берегу»?*

— Уехать? Никогда не было таких мыслей. Не знаю, можно ли назвать это патриотизмом, но я так устроена, что могу жить только здесь. Две-три недели на пароходе в окружении соотечественников — самое большое мое достижение по части зарубежных поездок. А потом — домой, где меня ждут друзья, родные. Я живу с мужем (врачом-стоматологом) и пуделем. Еще есть мама, брат, невестка, племянница, взрослая дочь мужа. Они живут не с нами, но на праздники мы собираемся все вместе.

Беседовал В. БАРУЛИН
Фото А. ОРЕШИНА

— Последние две недели мы ведем свое журналистское расследование, связанное с массовым отравлением в токийском метро и возможной причастностью к теракту религиозной организации «Аум синрикё». Лично я статьи не пишу, в мою задачу референта входит сбор информации, организация встреч, интервью. Сейчас обзваниваю ученых, общественных деятелей, чтобы поинтересоваться их мнением: случайны ли это отравление и последовавшее за ним покушение на главного полицейского, или японское общество, считавшееся самым безопасным, изменилось? Сами японцы, пережившие в начале года еще и крупнейшее землетрясение, пребывают сегодня в большом смятении.

— От людей, верящих в божественное возмездие, мне приходилось слышать о том, что это, мол, расплата за экономическое чудо.

— С японцами не за что расплачиваться. Они всего достигли благодаря своему огромному труду. Я трижды была в Японии и всякий раз наблюдала в метро, как люди возвращаются с работы: держась за поручень, спят стоя. Они жутко устают, за это им, наоборот, должно только воздаваться.

— С кем поведешься, от того и наберешься. Что вы обрели, работая с японцами?

— Очень многое. Я стала очень сдержанной, никогда не кричу, не отстаиваю безапелляционно свою позицию. Вовремя прихожу на работу.

— А «трудоголизм» заразились?

— Нет. Я все делаю четко — от и до. Но не могу сказать, что ради работы готова поступиться дружескими и просто человеческими отношениями. К заболевшей подруге поеду с лекарствами даже в том случае, если мне будут грозить неприятности по службе. У японцев это не принято.

— Вам часто приходится с ними спорить?

— Я вообще не люблю ту разновидность отношений, которая называется спором. Я могу просто высказать свое мнение, которое действительно зачастую расходится с точкой зрения зарубежных коллег. Здесь, в редакции японской газеты, мне приходится защищать нашу страну. Конечно, нас есть за что ругать, и японцы справедливо подмечают недостатки. Но во мне всегда велико противостояние: мы себя можем критиковать, а вы нас не можете. Это тот случай, когда у матери растет не самый хороший и благодарный сын, из-за которого она по ночам плачет в подушку. Но если соседка попробует сказать ей что-то дурное о нем, то мать всегда встанет на защиту сына: это мое и его не тронь!

— Лариса Алексеевна, сегодняшнюю нашу ситуацию — идеологическую, культурную — сравнивают с той, в которой оказалась Япония после поражения в 1945 году. Как вы считаете, что можно было бы нам перенять из

66